

ПУШКИН И ВИКТОР ГЮГО: МСТИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ «КРОМВЕЛЯ» И «ЛЬВИНЫЙ РЕВ» МИРАБО

3 мая 1995 г. М. Л. Гаспаров написал И. Ю. Подгаецкой о сцене с Мильтоном из трагедии Виктора Гюго «Кромвель», которую Пушкин перевел для своей статьи «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»: «очень занятный перевод, хоть статью пиши»¹. Гаспаров статьи не написал, и мы, разумеется, ни в коей мере не можем претендовать на восстановление хода его мыслей. Однако пушкинский перевод в самом деле дает повод для некоторых любопытных замечаний относительно переводческой практики Пушкина, а главное, для подведения итогов его многолетнего и отнюдь не благостного литературного диалога с Гюго.

История восприятия Пушкиным творчества Гюго, чьи произведения представлены в библиотеке Пушкина довольно широко², описана весьма подробно³; позволю себе напомнить наиболее выразительные моменты, свидетельствующие о том, насколько внимательно читал Пушкин этого поэта, к которому, если верить его прямым отзывам, относился весьма критически. Следы чтения стихотворений «Novembre», «Les Djinns» и «La Sultane favorite» из сборника «Восточные стихотворения» («Les Orientales», 1829) присутствуют, соответственно, в «Осени» (1833)⁴, «Бесах» (1830)⁵ и стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...» (1830)⁶; мотив отсроченной мести в «Выстреле» восходит к «Эрнани», где запоздалый мститель носит фамилию де Сильва⁷; изо-

¹ Ваш М. Г. Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2008. С. 212.

² Десять позиций (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. СПб., 1910. С. 253–254, № 1003–1012).

³ См.: Achinger G. Victor Hugo in der Literatur der Puskinzeit (1823–1840). Köln; Wien, 1991. S. 102–153; Рак В. Д. Гюго // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18 / 19. С. 121–123.

⁴ См.: Лернер Н. О. Пушкинологические этюды, X // Звенья. 1935. Вып. 5. С. 134–136; впрочем, если это и подражание, то, как пишет сам Лернер, «контрастное»: у Гюго все плоды фантазии (султаны, пирамиды, джинны и проч.) уходят из-за наступления в ноябре «мрачной зимы», а у Пушкина «незримый рой гостей», как известно, совсем напротив, идет к поэту.

⁵ См.: Штейн С. Пушкин и Гофман. Дерпт, 1927. С. 217–222.

⁶ См.: Лернер Н. О. Указ. соч. С. 136; Achinger G. Op. cit. S. 149–150.

⁷ Впервые указано Лернером (Пушкинологические этюды, IX // Звенья. Т. 5. С. 133); развито Берковским: «О „Повестях Белкина“» [1962] // Берковский Н. Я. О русской

бражение бунта, любви на фоне бунта, услуги, оказанной вождю бунтовщиков протагонистом, и проч. в повести Гюго «Бюг-Жаргаль» (1826) отозвалось в «Капитанской дочке»⁸; в «Последнем дне приговоренного к смерти» (1829), в главе 32, один заключенный просит другого, которого назавтра должны казнить, явиться с того света и назвать три верных номера в лотерее, а в главе 42 герою является кошмар — страшная сгорбленная старуха, у которой он спрашивает, кто она, она не отвечает, и он кричит ей: «Répondras-tu, vieille sorcière?» («Будешь ли отвечать, старая ведьма?»)⁹; наконец, в сцене «испытания» у виселицы Пьера Гренгуара в «Соборе Парижской Богоматери» отмечено сходство с «испытанием» у виселицы Петра Гринева в «Капитанской дочке», дополнительно подчеркнутое сходным звучанием имен протагонистов (Гренгуар / Гринев)¹⁰.

Таким образом, внимание Пушкина к Гюго несомненно; но точно так же несомненно и последовательное неприятие, особенно очевидное в статье 1830 г. «О записках Самсона», где «поэт Гюго» упомянут как тот, кто «не постыдился искать [смрадных — *вар.*] вдохновений для романа, исполненного огня и грязи» в записках «клеяменого каторжника» Видока¹¹. Получается, что для Пушкина палач Самсон, каторжник Видок и поэт Гюго стоят как авторы в одном ряду. Иначе говоря, в основе неприязненного отношения к Гюго у Пушкина не только «поэтические» разногласия, но и пренебрежительное отношение к человеку не своего круга, который пишет о предметах, о которых говорить

литературе. М., 1985. С. 43–44. В том же 1935 г., когда вышли «Этюды» Лернера, на «совпадение сюжетных положений „Эрнани“ и “Выстрела” (идея отсроченной мести)» указал Б. В. Томашевский (Пушкин А. С. Драматические произведения. М.; Л. 1935. Т. 7. С. 547, примеч. 3), который, впрочем, не считал это совпадение особенно значительным, поскольку возводил имя героя «Выстрела» к «Мертвому ослу и гильотинированной женщине» Жюлья Жанена (Томашевский Б. В. Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Пушкин А. С. Письма к Е. М. Хитрово. 1827–1832. Л., 1927. С. 225), Лернеру же, напротив, второстепенной и исчерпывающейся совпадением имен казалась связь «Выстрела» с «Ослом» (Звенья. Т. 5. С. 133). В процитированном выше примечании к «Каменному гостю» Томашевский указал также на «некоторую сценическую аналогию между первым актом „Эрнани“ и вторым актом “Каменного гостя”», которую, однако, счел «совершенно случайной»; см. также: Shengold D. Adding to the «Guest» List: Hugo's Hernani and Pushkin's Don Juan // Slavic Review. 1999. V. 6. № 2. P. 329–336.

⁸ См.: Белецкий А. И. К истории создания «Капитанской дочки» // Пушкин и его современники. Вып. 38 / 39. Л., 1930. С. 199–201.

⁹ Отмечено Н. Д. Тмарченко в ряде работ (впервые: Герценовские чтения, 1970; см. библиографию в: Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18 / 19. С. 123).

¹⁰ См.: Gregg R. Pushkin, Victor Hugo, the perilous ordeal and the true-blue hero // Slavic and East European Journal. 1994. Vol. 38. P. 438–445.

¹¹ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. М. Л., 1949. Т. XI. С. 94. Далее Пушкин цитируется по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

неприлично, — отношение, прорвавшееся в черновике третьей редакции «Езерского», где Байрон и Ламартин, дворяне, гордые своим рождением, противопоставлены «Юго», относительно дворянского происхождения которого Пушкин скептически замечает: «Не знаю» (V, 417)¹².

Отторжение Гюго еще более очевидно в письме к Погодину (первая половина сентября 1832 г.) — том самом, где Пушкин делится с адресатом своим желанием «уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы». Здесь о Гюго сказано, что он «не имеет жизни, т. е. истины». Правда, в том же 1832 г. написан текст, печатаемый под названием «Начало статьи о В. Гюго», где этот автор назван «человеком с истинным дарованием» (XI, 219) — впрочем, не самостоятельным поэтом, а всего лишь подражателем Сент-Бёва / Делорма); однако характерно, что на этой фразе статья обрывается; продолжения Пушкин так и не написал.

Но основное сведение счетов с Гюго происходит, конечно, в статье «О Мильтоне...». Причем возникает ощущение, что Пушкин долго копил раздражение — и наконец оно прорвалось. Потому что счет к Гюго у него давний, причем не только эстетический, но и чисто личный, и вступается он отнюдь не за Мильтона (или не только за Мильтона).

Гюго, выражаясь пушкинскими же словами, перебивал у Пушкина лавочку. В апреле 1828 г. Пушкин начинает «Полтаву», а Гюго в мае 1828 г. сочиняет стихотворение «Мазепа» (вошедшее в «Восточные стихотворения»); сборник Гюго выходит в январе 1829 г., а первое издание «Полтавы» — двумя месяцами позже, и хотя, по справедливому замечанию исследователя, «подходы к образу Мазепы у Пушкина и Гюго настолько различны, что разница практически исключает диалог между авторами (и текстами)»¹³, Гюго в этом случае в первый — но не в последний — раз опередил Пушкина.

В декабре 1830 г. выходит «Борис Годунов» — и молва обвиняет Пушкина в подражании «Кромвелю» (на что он сам жалуется Плетневу в письме от 7 января 1831 г.), хотя и здесь у Пушкина «алиби», причем абсолютное: «Годунов» написан в 1825 г., а «Кромвель» издан в 1827-м. Но сходство в самом деле есть — не только жанровое (историческая драма или трагедия¹⁴), но отчасти и сюжетное: обе пьесы посвящены

¹² Предки Виктора Гюго в самом деле не были дворянами, хотя его отец генерал и получил в 1811 г. графский титул от тогдашнего короля Испании (Жозефа Бонапарта). Пушкинские сомнения объяснялись «демократической» направленностью известных ему сочинений Гюго.

¹³ Орехов В. В. «Полтава» А. С. Пушкина и «Мазепа» В. Гюго // Пушкин и мировая культура. СПб.; Симферополь, 2003. С. 98.

¹⁴ См. замечание новейших комментаторов «Бориса Годунова» (Л. Лотман и Т. Китанина): «...момент появления в печати „Бориса Годунова“ <...> ставил Пушкина в не-

монарху-узурпатору и его душевной смуте; у Гюго имеется даже народ, который «молчит» (*se tait*) при объявлении Кромвеля королем¹⁵. Для читателей, не посвященных в хронологию пушкинского творчества, автор «Бориса Годунова» предстал подражателем, причем подражателем автора уже очень известного.

С годами известность эта лишь возрастала. Гюго имел не только у французских, но и у русских читателей огромный успех; по замечанию М. П. Алексеева, «отрицательное отношение к поэзии Гюго вовсе не было типичным для русских поэтов того времени — взгляды Пушкина разделяли немногие»; вдобавок «в 1831 году Пушкину несколько раз писали о Гюго, и он мог усмотреть в этом признак возрастающей популярности французского поэта»¹⁶. Среди этих писавших о Гюго, причем писавших с восторгом, была Е. М. Хитрово, поэтому неудивительно, что Пушкин в письме к ней от 9 (?) июня 1831 г. хвалит новинку — роман Гюго «Собор Парижской Богоматери», но комплимент он сопровождает оговоркой: «*Mais, mais... je n'ose dire tout ce que j'en pense*» («Но, но... не смею сказать всего, что думаю»; XIV, 172), из которой явствует, что, хваля «Собор», он просто не хочет обижать свою корреспондентку, которой роман очень нравится¹⁷.

«Перебивание лавочки» тем временем продолжалось, доходя до абсурдных совпадений: в 1834 г. в «Новоселье» напечатана поэма «Анжело», а Гюго немедленно (год спустя) сочиняет пьесу «Анжело, тиран Падуи» (Пушкин купил ее в магазине *Bere et Roy* 10 августа

выгодное положение. За пять с лишним лет, прошедших со времени написания трагедии, успела появиться драма В. Гюго (Нуго) „Кромвель“...» (Пушкин. Борис Годунов. М., 2008. С. 208–209).

- ¹⁵ Hugo V. Cromwell. P., 1968. P. 441; acte V, scène 11. Далее пьеса Гюго цитируется по этому изданию с указанием в тексте страницы, акта и сцены.
- ¹⁶ Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 382, 387. О Гюго в очень хвалебных тонах Пушкину писали также Д. Ф. Фихельмон и Гоголь. О восприятии Гюго в России в пушкинскую эпоху см. также: Achinger G. Op. cit.
- ¹⁷ Вообще восхваления автора «*Notre-Dame*», судя по всему, Пушкина безмерно раздражали. Злобное письмо Погодину о французской литературе осенью 1832 г. — это, по-видимому, среди прочего еще и реплика на восторженную статью Н. Полевого «О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах», опубликованную в «Московском телеграфе» в январе–феврале 1832 г.: в ней «Сен-Мар» Виньи и «Собор Парижской Богоматери» (в переводе Полевого «Церковь Парижской Богородицы») названы «двумя бесценными перлами, превышающими собою все, что отдельно может представить неистощимая муза В. Скотта» (Полевой Н., Полевой К. Литературная критика. Л., 1990. С. 123). В случае с Альфредом де Виньи полемичность по отношению к Полевому подчеркнута сопоставлением с Загоскиным; если Полевой Виньи превознес, а Загоскина за «Рославлева» раскритиковал (см.: Московский телеграф. 1831. Ч. 38. № 8), то Пушкин в пику ему утверждает, что «романы А. Vigny хуже романов Загоскина» (XV, 29). Оба автора — и Гюго, и Виньи — четыре года спустя станут главными «антигероями» статьи «О Мильтоне...».

1835 г.¹⁸). О реакции его на это творение Гюго можно предположительно судить по косвенному свидетельству: в библиотеке Пушкина сохранился сборник Гюстава Планша «Литературные портреты» (1836), где в статье о Гюго (вообще очень язвительной и отнюдь не апологетической) разрезаны именно те страницы, где Планш расправляется с этой пьесой, показывая путь, проделанный Гюго от «Эрнани» до «Анжело»: «с вершин лирической поэзии г-н Гюго опустился до подмостков мелодрамы», а в финале заключает: «Серьезной критике осталось употребить против г-на Гюго одно оружие — молчание. Когда его мелодрамы перестанут возбуждать споры, равнодушие и скука вынесут свой суровый и справедливый приговор. В тот день, когда г-н Гюго утратит противников, он будет вынужден отступить»¹⁹.

Нетрудно вообразить, как раздражали Пушкина уподобления его сочинений творчеству не слишком любимого им Гюго. А уподобления эти делались не только по поводу «Бориса Годунова». Если подчас они носили иронический характер²⁰, то иногда делались от чистого сердца людьми, считавшими совершенно естественным сближение двух «главных поэтов» своего времени. Так, когда французский литератор Тардиф де Мелло 22 ноября 1836 г. просил Пушкина рассказать о русской поэзии, «dont vous êtes le Victor Hugo» («где вы играете роль Виктора Гюго»), он, по-видимому, пребывал в уверенности, что делает Пушкину комплимент. Но Пушкин так вовсе не считал; трудно не увидеть в словах из статьи «О Мильтоне...»: «г. Юго, будучи сам поэт (хотя и второстепенный)» (XII, 141) — возражение на простодушное замечание Тардифа де Мелло, причем возражение, носящее явно провокационный характер: Пушкин не мог не знать о громкой славе, которая к этому моменту уже сопровождала Гюго и в России, и во Франции²¹; он сам называет его «любимцем парижской публики» (XII, 138).

Итак, судя по всему, раздражение против Гюго зрело у Пушкина с самого начала 1830-х гг. Среди его возможных причин не последнюю роль играли, по-видимому, многочисленные декларации Гюго относительно социальной миссии искусства, выразившиеся среди прочего в сборнике «Статьи о литературе и философии», имевшемся

¹⁸ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. М., 1999. Т. 4. С. 332 (далее: Летопись).

¹⁹ Planche G. Portraits littéraires. P., 1836. Т. 2. P. 294, 296. Разрезанные страницы: 289–297 (Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. С. 311).

²⁰ И. Н. Средний-Камашев в статье «Еще о „Борисе Годунове“, стихотворении А. С. Пушкина» («Сын отечества», октябрь 1831 г.): Пушкин у нас «маленький Дант, Шекспир, Байрон, Гете в тесном кругу русской литературы, и ничем не ниже Виктора Гюго» (Пушкин в прижизненной критике, 1831–1833. СПб., 2003. С. 115).

²¹ О восприятии Гюго см.: Boulanger J.-P., Renisio G. La gloire de Victor Hugo. P., 1985.

в библиотеке Пушкина²²; судя по отзыву на «Последний день приговоренного к смерти», процитированному выше, эта демократическая социальная направленность творчества Гюго Пушкину не импонировала²³. Почему же раздражение прорвалось именно в статье «О Мильтоне...»? »

Книгу Шатобриана, которой она формально посвящена, Пушкин купил у Беллизара 29 июня 1836 г.²⁴, и о тех французах, которые стали впоследствии «героями» его статьи, размышлял уже тогда²⁵, но работал над статьей, по-видимому, позже, в ноябре 1836 — январе 1837 г.²⁶ По мнению С. Абрамович, Пушкин дописывал статью о Мильтоне, который «в злые дни, жертва злых языков <...> сохранил непреклонность души» (XII, 141), еще 21–22 января 1837 г.²⁷ Время создания существенно для объяснения раздраженного тона статьи. «Антитеза „двор и поэт“, антитеза, имевшая явный автобиографический подтекст (ранее в этом же ключе шла критика „Ледяного дома“ Лажечникова за недостойное изображение Третьяковского), пронизывает всю первую часть статьи», — пишет М. И. Гиллельсон и, усматривая большое сходство в тоне статьи «О Мильтоне...» и «Последнего из свойственников Иоанны д'Арк», написанного в январе 1837 г., выводит из этого сходства датировку первой из них примерно тем же временем²⁸. Иначе говоря, Пушкин прочел шатобриановский перевод Мильтона и приложенный к нему двухтомный «Опыт об английской литературе», вспомнил других французских авторов, которые, в отличие от Шатобриана, к Мильтону

²² Hugo V. *Littérature et philosophie mêlées*. Bruxelles, 1834. Т. 1–2.

²³ О социальной миссии поэта в понимании Гюго см.: Bénichou P. *Les Mages romantiques*. P., 1988. P. 275–530.

²⁴ Летопись. Т. 4. С. 479.

²⁵ Судя по фамилиям французских писателей, которые перечислены 3 августа 1836 г. в ответе Кюхельбекера на несохранившееся письмо Пушкина, тот писал ему о «Hugo, Бальзаке, Альфреде де Виньи» (XVI, 146).

²⁶ В октябре Пушкин был еще занят подготовкой четвертого номера «Современника», на который цензурное разрешение получено 11 ноября.

²⁷ Абрамович С. Пушкин. Последний год: Хроника. Январь 1836 — Январь 1837. М., 1991. С. 522–523.

²⁸ Гиллельсон М. И. Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 237; такой же точки зрения придерживается и А. А. Долинин (см.: Долинин А. А. Как понимать мистификацию Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк»? // И время и место. М., 2008. С. 212, 215–216). «Автобиографическая» интерпретация статьи «О Мильтоне...» представляется гораздо более верной, чем сугубо историко-литературная трактовка И. З. Сермана, утверждавшего, что суровая оценка Мильтона в драме Гюго «была обращена не столько к автору „Кромвеля“, сколько к русским драматургам, в частности Кукольникову, изобразившему самым жалостным образом сумасшествие Тасса» (Серман И. З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 147).

отнеслись неуважительно, и обида за себя переплелась в нем с обидой за английского поэта XVII в., оскорбленного французами примерно так же, как сам Пушкин, русский поэт, оскорблен при русском дворе²⁹.

Эта обида, очевидная в тексте статьи «О Мильтоне...», сказывается и в переводе из «Кромвеля» Гюго, сделанном Пушкиным специально для этой статьи³⁰. Немецкая исследовательница справедливо пишет, что он довольно точен³¹, однако до сих пор никем не отмечено, что в нем есть два заметных изменения, которые резко деформируют оригинал³². Первая из этих деформаций — перемена стихотворной формы на прозаическую, вторая — перемена «вы» на «ты» в обращении Кромвеля к Мильтону: у Гюго лорд-протектор говорит поэту «вы», у Пушкина — «ты».

Перемена стиха на прозу — мощное орудие, призванное принизить Гюго. Пушкин таким образом подспудно отказывает Гюго не только в звании первого поэта (в статье он, как мы уже видели, назван, в пику всем многочисленным поклонникам его творчества, «второстепенным»), но и в звании поэта вообще. В сущности, Пушкин обходится с Гюго именно так, как жалкие переводчики Мильтона, которые подвергнуты резкому осуждению в той же статье о Шатобриановом переводе: «Изо всех иноземных великих писателей Мильтон был всех несчастнее во Франции. Не говорим о жалких переводах в прозе, в которых он был безвинно оклеветан» (XII, 137)³³. Конечно, в замечаниях на ста-

²⁹ По точной формулировке А. А. Долинина, «защищая Мильтона от поношений, Пушкин защищает самого себя» (Долинин А. А. Пушкин и Англия. М., 2007. С. 219). Пушкин оскорбился бы еще сильнее, если бы знал, что именно с сюжетами из Гюго сравнивали современники его семейную ситуацию. Софья Александровна Бобринская пишет мужу 25 ноября 1836 г. о женитьбе Дантеса: «Это какая-то тайна любви, героического самопожертвования, это Жюль Жанен, это Бальзак, это Виктор Гюго» (цит. по: Шеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. С. 508–509); ср. уже после смерти Пушкина в «Allgemeine Zeitung» упоминание о «развязке во вкусе произведений Виктора Гюго или Бальзака» (цит. по: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 18 / 19. С. 123).

³⁰ Виньи, второй антигерой статьи «О Мильтоне...», такой чести не удостоился; под рукой у Пушкина (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. С. 23) был готовый русский перевод А. Очкина (Сен-Марс, или заговор при Людовике XIII. СПб., 1835): его Пушкин и использует (кстати, французского Виньи в его библиотеке не сохранилось вовсе).

³¹ См.: Achinger G. Op. cit. S. 134.

³² Поскольку перевод из «Кромвеля» инкорпорирован в статью «О Мильтоне...», он, насколько мне известно, не привлекал специального внимания исследователей переводческих принципов Пушкина; см. анализ этих принципов в: Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Вып. 4 / 5. С. 300–330.

³³ Е. Г. Эткинд именно со ссылкой на статью «О Мильтоне...» констатировал: «Пушкин со всей резкостью протестует против переложения стихов прозой» (Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 226); характер-

тью Вяземского об Озере Пушкин писал, что «перевод есть оселок драматического писателя», и считал доказательством несовершенства Озера то, «что из него вышло во французской прозе» (XII, 242); но очевидно, что он считал необходимым подвергать этому суровому испытанию не всех, а только неугодных. Драматическую поэму Д. Вильсона «Город чумы» он переводит стихами, а любимых своих французских поэтов в критических статьях (Сент-Бева в статье о Жозефе Делорме, Вольтера в статье «Вольтер») вовсе не переводит, а цитирует в подлиннике. С Гюго он обошелся иначе. Пушкин укоряет Гюго за то, что его пьеса, «скучная и чудовищная», имеет «спотыкливый ход» (XII, 138); александрийский стих «Кромвеля» — в самом деле неклассический, «спотыкливый», полный анжамбеманов, предвещающих «Эрнани»³⁴, однако версификационное мастерство Гюго вполне проявилось уже в первой его пьесе — и вот этого-то поэтического «оперения» Пушкин его как раз и лишает, нарушая при этом прямые указания самого Гюго, который в предисловии к «Кромвелю» настаивал на том, что стих — обновленный и освобожденный от классицистических оков — вполне подобает драме³⁵.

Преобразование блестящего поэта в посредственного прозаика — одна из целей, преследуемых пушкинским переводом. Одна из, но не единственная. Пушкину необходимо изобразить Гюго гонителем Мильтона, автором, который над Мильтоном издевается (меж тем на самом деле во французской пьесе издевательства вовсе нет и Гюго относится к Мильтону с ничуть не меньшим почтением, чем Пушкин³⁶). На это, в частности, работает одна из редких в пушкинском переводе смысловых неточностей. Чтобы еще ярче показать, как Гюго унижает Мильтона, Пушкин

но, однако, что практика в данном случае противоречит теории: протестовать-то он протестует, но стихотворного «Кромвеля» переводит именно так, прозой.

³⁴ В черновике статьи «О Мильтоне...» Пушкин бранит Гюго среди прочего и за то, что он «ниспроверг» «стихосложение Расина и Буало» (XII, 381).

³⁵ Единственный существовавший к этому времени перевод из «Кромвеля» (но из другого, первого акта пьесы), напечатанный А. Г. Ротчевым в «Невском альманахе на 1831 год», был выполнен безрифменным пятистопным ямбом — тем же размером, каким сделан гораздо позже единственный полный русский перевод этой пьесы Гюго (Гюго В. Собр. соч.: В 12 т. М., 1915. Т. 9; переводчик Н. Н. Киселев). См.: Заборов П. Р. Французская романтическая драма в России 1820–1820-х годов // Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975. С. 123.

³⁶ Заметим, что французским исследователям Гюго, не читавшим Пушкина, даже в голову не приходит, что Гюго Мильтона как-то обидел или унизил. Они совершенно уверены в том, что автор «Кромвеля» Мильтона прославил, и текст пьесы, несомненно, дает для этого основания: например, в финале, когда Кромвель отвергает корону, он осведомляется у Мильтона, доволен ли тот, а Мильтон сурово отвечает, что Кромвель исполнил еще не все, что требуется, — а требуется помиловать еще одного человека между прочим, поэта....

в своем переводе вкладывает ему в уста такую реплику: «Пламенный гений во мне работает. Я обдумываю, *молга*, странное намерение» (XII, 139) — причём «молча» выделено курсивом. То есть выходит, что Гюго изображает Мильтона дурачком, который не знает, что обдумывать можно только «молча», и подчеркивать это нет никакой необходимости. Меж тем у Гюго в этом месте совершенно нейтральное: «je médite en silence un étrange dessein» (р. 262; III, 2). Никакого курсива тут нет, а выражение «en silence» (в молчании, в тиши) вообще можно было не переводить; но Пушкин не пренебрегает даже этой локальной возможностью «уязвить» Гюго.

Для того чтобы еще сильнее унижить Мильтона (а точнее, чтобы приписать поэту Гюго унижение поэта Мильтона), Пушкин производит вторую кардинальную деформацию французского оригинала: изменяет «вы» на «ты» в обращении Кромвеля с Мильтоном³⁷. Этой переменной Пушкин превращает Мильтона, изображенного Гюго, в покорного подданного абсолютного монарха (при русском дворе такое обращение монарха к подданному было привычным³⁸) — и сам же Гюго за это бранит. Между тем Гюго изобразил совсем другого Мильтона — такого, к которому Кромвель почтительно прислушивается — и которого именует на «вы». Можно было бы счесть, что эта перемена — простое следствие разного употребления местоимений в русском и французском языках, тем более что, по свидетельству современника, «Государь Николай Павлович, так же как и Государь Александр Николаевич, по-русски всегда говорил „ты“, а по-французски „vous“»³⁹. Однако все дело в том, что в пьесе «Кромвель» оппозиция «ты» / «вы» не нейтральна; Гюго несколько раз обыгрывает разницу этих двух способов обращения. Так, когда один лорд не узнает другого в переодетом виде, он именует его на «вы», а узнав, переходит на «ты» (I, 1); в другой сцене (III, 7) дочь Кромвеля, леди Френсис, за которой ухаживает дворянин Рочестер, переодетый капелланом, изумляется, слыша, что он в пылу страсти обращается к ней на «ты»: «Il me tutoie!» («Он мне тыкает!», р. 291).

³⁷ Оговорим, что мы вовсе не касаемся здесь вопроса о том, какова была в реальности специфика личных местоимений в Англии XVII в. при дворе Кромвеля (см. об этом: Успенский Б. А. *Ego loquens. Язык и коммуникационное пространство*. М., 2007. С. 24–25, 73–75); нас интересуют соотношения «вы» и «ты» в текстах Гюго и Пушкина.

³⁸ И сам император, и его брат Михаил Павлович обращались к Пушкину (как, впрочем, и к абсолютному большинству тех, кто бывал при дворе) на «ты». См. у Смирновой-Россет: «„Ты“ был критериум его [Николая I] расположения к женщинам и мужчинам <...> Киселеву [он говорил] „ты“, Потоцкому тоже, Канкрину, из уважения, „вы“, также многим генералам прошлого царствования: Уварову, Дризену, Мордвинову, Аракчееву и Сперанскому» (Смирнова-Россет А. О. *Дневник. Воспоминания*. М., 1989. С. 176).

³⁹ Бахметев Н. И. *Записки и дневник // Российский архив*. МП. М., 2003. С. 267.

Более того, этот прием активно используется как раз в той части пьесы, которую Пушкин цитирует. Переведя вторую сцену третьего акта, он дает продолжение (четвертую сцену) в своем пересказе: «протектор отвечает ему: г. Мильтон, государственный секретарь, ты пиит, ты в лирическом восторге забыл, кто я таков, и проч.» (XII, 140). Между тем у Гюго на «ты» обращается не Кромвель к Мильтону, а Мильтон к Кромвелю. В длинном монологе, где Мильтон, выражаясь пушкинскими словами, «умоляет Кромвеля не домогаться престола» (XII, 140), он именует Кромвеля на «ты» (чего он не делал в сцене, Пушкиным переведенной), Кромвель же ему пеняет отнюдь не на то (как утверждает Пушкин), что Мильтон в лирическом восторге забыл, кто он такой, а на то, что он в этом самом лирическом восторге (*dans l'ardeur d'un lyrique transport*, p. 280) забыл, как нужно обращаться к Кромвелю (говорить «Ваша светлость» и «милорд»), — но сам-то Кромвель при этом все равно обращается к Мильтону на «вы». Зато на «ты» он в этих же самых сценах обращается к своим шутам, которых в пьесе целых четверо. Однако читатель, который судит об отношении Гюго (и изображенного им Кромвеля) к Мильтону по пушкинской статье, обо всем этом догадаться никак не может⁴⁰.

М. Л. Гаспаров в статье «Брюсов-переводчик» писал о том, что перевод всегда насилие одного или другого рода: либо над традициями своей литературы в угоду подлиннику (буквализм), либо над подлинником в угоду традициям своей литературы («творческий» перевод)⁴¹; в пушкинском же случае насилие над подлинником есть род мести переводимому автору — Виктору Гюго. Сам Пушкин в начале статьи издевается над «исправительными» переводами французов (XII, 137); так вот, если у французов переводы исправительные, то пушкинский перевод, по-видимому, можно назвать мстительным... Кстати, Пушкин обошелся так с Гюго не единожды. В известной дневниковой записи 22 декабря 1834 г. он пересказывает своими словами то стихотворение Гюго, которое перевел Деларю и которое вызвало гнев митрополита: «Если бы я был бы Богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои» (XII, 235). Между тем ни в оригинале Гюго⁴², ни в переводе Деларю ни Милены, ни Хлои нет и в помине, так что пересказ Пушкина, архаизирующий и оглупляющий оригинал, тоже можно

⁴⁰ Заметим, что в русском переводе Н. Н. Киселева все особенности обращений на «вы» и «ты» — в лирическом восторге и без оного — соблюдены (см.: Гюго В. Собр. соч.: В 12 т. М., 1915. Т. 9. С. 251–253, 562–565).

⁴¹ Гаспаров М. Л. Избранные труды. М., 1997. Т. 2. С. 126.

⁴² Который, кстати, называется не «Красавице», как обычно пишут в комментариях к Пушкину (см., например: Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 245; Пушкин. Исследования и материалы. Т. 18 / 19. С. 122), а «Одной женщине» — «A une femme» («Feuilles d'automne», XXII).

отнести к разряду «мстительных». Отношение к Гюго сказывается и в том нескрываемом удовлетворении, с каким Пушкин цитирует в дневниковой записи обращенный к французу экспромт Крылова: «Мой друг! когда бы ты был Бог, / То глупости такой сказать бы ты не мог» (XII, 235).

Пушкин «покинулся» с Гюго за всё сразу: и за многолетнее, хотя и совершенно невольное «перебывание лавочки», и за демократические декларации, и, главное, за европейскую славу (по Пушкину, совершенно незаслуженную) — и все свое неприятие выразил в статье «О Мильтоне...» не только напрямую, но и в переводе из первой пьесы Гюго — переводе, в котором стилистическая полемика с переводимым автором ведется «на грани фола».

* * *

Впрочем, неприязнь к Гюго не мешала Пушкину черпать из его текстов запоминающиеся мелочи. До сих пор никто, кажется, не обращал внимания на то, что известные и часто цитируемые слова из статьи «Александр Радищев» (под текстом которой выставлена дата 3 апреля 1836 г.) о «львином реве колоссального Мирабо» (XII, 34) представляют собой почти буквальный перевод пассажа из «Этюда о Мирабо», который Гюго опубликовал в январе 1834 г. отдельной книгой⁴³, а в марте того же самого 1834 года включил во второй том своего сборника «Статьи о литературе и философии», брюссельское переиздание которого, как мы уже упоминали, имелось в библиотеке Пушкина. Здесь Гюго пишет о Мирабо, что, «поднявшись на трибуну, он поводил колоссальными плечами, точно боевой слон, выступающий в поход с башней на спине» («il avait un colossal mouvement d'épaules comme l'éléphant qui porte sa tour armée en guerre»), а «голос его, даже когда он всего лишь подавал короткую реплику с места, имел устрашающе революционный тон и звучал среди собрания, точно рев льва в зверинце» («comme le rugissement du lion dans la ménagerie»). Само по себе сравнение Мирабо со львом не является изобретением Гюго; оно довольно широко использовалось и раньше. Брошюра Мерлена де Тионвиля «Портрет Робеспьера» (1795), начинающаяся с перечня деятелей революции и животных, на которых они похожи, отождествляет Мирабо со львом⁴⁴; об «осанке льва» говорится в заметке о жизни Мирабо, предваряющей его «Сочи-

⁴³ Hugo V. Étude sur Mirabeau. P., 1834. P. 64. Этот очерк и, в частности, его образная система, грешащая напыщенностью и гиперболичностью, высмеян Дезире Низаром (на чью статью о Шатобриане, «исполненную тонкой смелivosti», Пушкин ссылается в статье «О Мильтоне...») в статье «Виктор Гюго в 1836 году» (Revue de Paris. 1836. T. 25. P. 293–329).

⁴⁴ Merlin de Thionville. Portrait de Robespierre. P., 1795. P. 1.

нения» 1822 г.⁴⁵; «шевелюра Мирабо, похожая на гриву влюбленного или разъяренного льва», упоминается в романе Жюль Жанена «Барнав» (1831, ч. 3, гл. 1) и в его же очерке «Мирабо» (1831)⁴⁶, однако «ревом льва» голос «колоссального» Мирабо назван именно у Гюго.

Правда, в том издании «Статей о литературе и философии», которое имело в библиотеке Пушкина, страница с интересующим нас пассажем о лвином реве не разрезана⁴⁷. Однако у Пушкина были и другие возможности познакомиться с этим фрагментом.

Дело в том, что очерк Гюго о Мирабо сразу по выходе был в том же 1834 г. перепечатан многократно; помимо двух парижских изданий (отдельного и в составе «Статей о литературе и философии») и перепечатки в двух бельгийских изданиях «Статей» (том, которое имело у Пушкина, и другом, выпущенном брюссельским издателем Hauman) следует назвать еще перепечатку очерка в первом томе «Биографических, литературных и политических записок Мирабо», составленных его приемным сыном Габриэлем Люка де Монтиньи. Оригинальное парижское издание этих «Записок Мирабо» очерка Гюго не содержит, но оба брюссельских издателя (Méline и Hauman) сочли необходимым ради привлечения публики включить его в первый том и даже объявили об этом на титульном листе, что, между прочим, вызвало протест составителя⁴⁸. Так вот, издание Hauman также имело в библиотеке Пушкина⁴⁹. Четвертый, пятый и шестой тома Пушкин, одновременно с девятью томами сочинений Мирабо, приобрел в книжной лавке Бел-

⁴⁵ Œuvres de Mirabeau. P., 1822. Т. 1. P. XV.

⁴⁶ Janin J. Mirabeau // Revue de Paris. 1831. Т. 25. P. 182. То же определение Жанен использовал и еще один раз — в рецензии на книгу Этьенна Дюмона «Воспоминания о Мирабо» (1832), опубликованной 21 апреля 1832 г. в «Journal des Débats» и послужившей причиной известного спора Пушкина с Вяземским, запечатленного в дневнике Н. А. Муханова (Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 220). Жанен, кстати, на сравнении именно со львом не настаивал; в другом месте он называет Мирабо «тигром, переболевшим оспой», причем утверждает, что так говорил о себе сам Мирабо (Janin J. Mirabeau // Revue de Paris. 1831. Т. 24. P. 146–147). Впрочем, этот образ, по-видимому, является «творческим переосмыслением» характеристики Мирабо как «льва, переболевшего оспой», приведенной в очерке Шарля Нодье «Парижские тюрьмы в эпоху Консульства. Сент-Пелажи» (Revue de Paris. 1829. Т. 4. P. 11) со ссылкой на Л.-С. Мерсье (Mercier L.-S. Le Nouveau Paris. P., 1798. Т. 6. P. 12). За указания на произведения Мерсье и Нодье, а также за другие чрезвычайно ценные замечания сердечно благодарю А. А. Долинина.

⁴⁷ Hugo V. Littérature et philosophie mêlées. Bruxelles, Méline, 1834. Т. 2. P. 279.

⁴⁸ См.: Journal des Débats, le 20 janvier 1834; Mémoires biographiques, littéraires et politiques de Mirabeau. Bruxelles, Louis Hauman et Compagnie, 1835. Т. 7. P. I–II.

⁴⁹ Mémoires biographiques, littéraires et politiques de Mirabeau, écrits par lui-même, par son père, par son oncle et son fils adoptif précédés d'une Étude sur Mirabeau par Victor Hugo. Bruxelles, Louis Hauman et Comp., 1834 (Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. С. 291, № 1179).

лизара 3 февраля 1836 г., незадолго до окончания статьи «Александр Радищев»⁵⁰, а первые три тома «Записок» у него, по всей вероятности, в это время уже имелись⁵¹. Интересующая нас фраза о львином реве располагается в первом томе «Mémoires de Mirabeau» в издании Naupan на странице XXXVI⁵², а этот том в пушкинской библиотеке разрезан весь целиком.

Наконец, теоретически у Пушкина была еще одна возможность познакомиться со словами Гюго о «львином реве» Мирабо: они присутствуют в пространном фрагменте из «Этюда о Мирабо», опубликованном 17 января 1834 г. в «Journal des Débats» — газете, входившей в круг пушкинского чтения⁵³.

* * *

Формула отношения Пушкина к «любимцу парижской публики» оставалась неизменной: раздражение не исключало внимательного, чтобы не сказать ревнивого, всматривания и усвоения некоторых эффектных штрихов.

⁵⁰ См.: Летопись. Т. 4. С. 392. Покупка эта лишний раз подтверждает интерес Пушкина к Мирабо, о котором свидетельствуют упоминания в статьях и письмах и рисунки в черновиках рукописей (см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 152, 183, 186, 188, 216; Летопись. Т. 1. С. 316, 463; Т. 2. С. 112).

⁵¹ Первый том, по-видимому, был Пушкину кем-то подарен (наверху обложки «неизвестным почерком написано: „Пушкину“»).

⁵² Сердечно благодарю за это и другие уточнения, связанные с библиотекой Пушкина, А. С. Бодрову.

⁵³ Мы не касаемся здесь вопроса о судьбе фразы Гюго о «львином реве» в послепушкинское время; скажем только, что французские авторы XIX в., писавшие о Мирабо, многократно использовали ее как со ссылками на Гюго, так и без них; см., например (перечень далеко не полный): Mennechet E. Le Plutarque français: vies des hommes et femmes illustres de la France. P., 1841. Т. 8. P. 10; Roosmalen A. L'orateur ou Cours de débit et d'action oratoires appliqué à la chaire. P., 1842. P. 429; Encyclopédie catholique, répertoire universel et raisonné des sciences, des lettres, des arts et des métiers. P., 1847. Т. 4. P. 47, 551; Poujoulat J.-J.-F. Histoire de la Révolution française. Tours, 1857. P. 201.

НЕ

*Музыкальное
Приношение,*

ИЛИ

Allegro affettuoso

Сборник статей
к 65-летию Бориса Ароновича Каца

Редакторы-составители:
*Александр Долинин, Илья Доронженков,
Людмила Ковнацкая, Наталия Мазур*

Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге
2013